

«ВРЕМЕНЕМ ОБИЖЕННЫЕ»

Евгения Константиновна Щербакова родилась в Оренбурге. Окончила Оренбургский государственный педагогический университет, защитила кандидатскую диссертацию по методике преподавания литературы. Работала преподавателем литературы и культурологических дисциплин на кафедре теории и истории культуры в университете, в Губернаторском лицее-интернате для одарённых детей. Ныне – заведующая кафедрой филологических дисциплин оренбургской духовной семинарии.

Проза оренбургского писателя П.Н. Краснова, продолжающая традиции русской классической литературы, деревенской прозы, содержит размышления о «язвах» современного общества, о жизни деревни и города, о духовных ценностях разных поколений. В своих исканиях известный автор идёт вслед за старшими современниками В.И. Беловым, В.Г. Распутиным, с которыми был лично знаком, родство с литературной традицией которых считает очевидным: «Ближе к моему поколению – Распутин, Евгений Носов, Белов, Лихоносов и многие другие».

Подобно тому как В.И. Белов показал красоту Русского Севера, Вологодчины, а В.Г. Распутин – Сибири, Ангары, П.Н. Краснов открыл для российского читателя оренбургские степи, описал традиции, особенности жизни этого степного

края. Автора, как и великих писателей-деревенщиков, беспокоит судьба российской деревни, волнует тема истории, «корней», дома, духовности.

Неслучайно главным героем одного из лучших рассказов П.Н. Краснова «Мост» (включённого в антологию «Шедевры русской прозы») является женщина. Тётка Дуня, чьим прототипом явилась бабушка писателя Матрёна Ивановна, подобно Матрёне из рассказа А.И. Солженицына, героиням В.Г. Распутина, В.И. Белова, ни дня не сидит без дела, готова всем помочь. Она собирает деревенских старух и идёт с ними кропить святой водой мост, на котором случается много аварий. Феминность женщины, по мнению Краснова, заключается в особом, духовном предводительстве, в самопожертвовании.

В автобиографической повести «Высокие жаворонки» раннего периода творчества Пётр Краснов показывает трудную жизнь 1960-х глазами героя-подростка. Интересно, что повествование в этом произведении, как и во всех других текстах писателя, идёт от третьего лица, даже если это слова автора, непосредственно находящиеся при прямой речи, что создаёт ощущение отстранённости, философичности, погружает в рефлексию героя, создаёт неповторимый авторский стиль.

Повесть отличает «тучный пейзаж», как и в текстах В.И. Белова, В.Г. Распутина, герой

в ней ощущает тонкую, неразрывную связь с природой, а она, в свою очередь, помогает понять его психологическое состояние. В пейзажные описания оренбургского писателя нередко вкрапляются философские размышления: «...когда-то она ещё будет, осень. А пока будто на цыпочки всё привстаёт, тянется, и везде земля — чёрная, парная, разморённая щедростью своей, земля, которая всех кормит, не жалея себя, едоков не разбирая, и потому всем владеет». Стремление показать бытийную, онтологическую сущность жизни деревни, ностальгические ноты роднят «Высокие жаворонки» с «Ладом» В.И. Белова, книгой «очерков о народной эстетике», но если в «центре художественного мира Белова находится модель деревенской идиллии, зыбкая и уязвимая перед историческими переменами», то описываемая в повести Краснова крестьянская жизнь, наполненная тяжёлым трудом, бедная, протекающая в непростых климатических условиях, кажется рассказчику идиллией исключительно потому, что это время его детства. В.Г. Бондаренко так пишет об этом: «Была и на самом деле в «Высоких жаворонках», как и в лучшей деревенской прозе его старших соратников Виктора Астафьева, Василия Белова, Валентина Распутина, та высокая нотка принадлежности к вечности родной природы и родного народа».

«Высокие жаворонки» (1986) в идейно-смысловом плане близки «Привычному делу» В.И. Белова, книге архетипических образов крестьянской жизни. Произведение оренбургского автора так же отражает годовой цикл крестьянской жизни, как и «Привычное дело». Событийный ряд повести ослаблен, она пестрит бесфабульными зарисовками. Слова современного исследователя о композиции «Привычного дела» можно отнести и к «Высоким жаворонкам»: «При внешне линейном сюжете идейную структуру произведения отражает циклическая модель времени: писатель берёт один год из жизни деревенской семьи, во многих обстоятельствах повторяющий годы предыдущие».

Начинаются события повести зимой: «Такой долгой была и тёмной зима и так наскучила изба, что куда ни ткнишь — везде скука». В это время в Оренбуржье по нескольку дней свирепствуют бураны, в одну из таких буранных зим погибает дядя Семён. Весной всё внимание жителей деревни приковано к ледоходу и к ловле первой рыбы. Ловят и взрослые, и подростки: «полные ведёрки первой весенней рыбки, чаще мелкой, но едовой — съешь на копейку, расплюёшь на рупь». Бедность деревни становится ещё тяжелее от наводнения, в низинных дворах в хлевах тонут овцы: «Пострадало дворов пять, у всех овцы; квёлая тварь овца, чуть что — она с копыт долой».

Ещё одно значимое событие весной — Пасха, хотя её празднование в большей степени — дань традиции: каждая хозяйка встаёт пораньше и начинает печь, готовится к праздничному обеду. Но вместе с тем здесь живёт ещё память о молитве: старики на Пасху «порой тихонько псалом какой-нибудь затянут».

Наполнены трудом будни оренбургской целинной деревни: целое лето заготавливают колхозники урывками от коллективной работы кизяки для растопки печей в зимнее время, сено для скотины, остаться зимой без кизяка хуже, чем без хлеба и картошки. Вспоминаются Иван Африканович с Катериной из повести В.И. Белова «Привычное дело», тайно косящие траву для коровы по ночам. Много забот в оренбургской деревне и у ребятишек: они ловят сусликов и сдают в курятник на пищу курам по шесть копеек за штуку.

Осенью сушат деревенские на чердаке калину. Самый большой калинный сад у семьи рассказчика, и мать щедро раздаёт её просителям для поминок, для пирогов.

Автор создаёт целую галерею образов старожилы деревни, людей с удивительными судьбами: «временем обиженные» Дед Куян, Глухой, обкраденный умом Паша Бурбушка, удалой в общественной работе и совершенно бесполезный в собственном доме Погребошник (в молодости лавивший в чужие погреба), не представляющий свою

жизнь без воровства Бурдэй, жадные Губановы, обладатели единственного в деревне яблоневого сада, открыто живущий на две семьи Студеникин, добрая и доверчивая мать главного героя и др.

Повесть «Высокие жаворонки» завершает первоначальный этап творчества П.Н. Краснова, это своеобразный итог лирических, ностальгирующих размышлений писателя, тексты, написанные в 1990–2000-е гг., более публицистичны, отличаются интересом к остросоциальным проблемам.

Главный герой повести «Пой, скворушка, пой» Василий, имя которого мы узнаём из уст соседа Феды, — выходец из деревни, долгое время служивший в Приднестровье (действие разворачивается в 1990-е гг.), обзаведшийся там семьёй и там же её потерявший, — возвращается на родину, в глухую оренбургскую деревню, и, в отличие от других, ничего не ждёт от весны. В повести важен мотив дома-бездомья: герой селится в «отцовском полузаброшенном» доме, в избе, встречающей «стылым», «холодно-прогорклым» духом, печка-голландка долго не растапливается, дымит, «облупилась вся и будто похилилась».

Сам он, бывший некогда сотрудником спецназа, служивший в Приднестровье, вернувшийся в родные оренбургские места, чувствует себя потерянным и невольно жалеет о доме: «Сидеть

бы ему дома, дураку, счастья дурного не ловить на стороне — глядишь, целее был бы».

Повесть звучит как монолог-исповедь, в который вкрапляется повествование о службе в спецназе в страшные 1990-е годы, об убийстве жены и сына, о смерти матери и братьев, о пропавшем друге — умнице Гречанинове. Важны в ней и «полупьянные» диалоги с соседом Федыкой. В ответ на любопытство соседа Василий молчаливо переосмысливает всю свою жизнь. Так в повести возникает тема предательства, большого, многомерно-го, вырастающего в «смуту русскую»: в ответ на слова Федыки о том, что чужие страну продали, он отвечает: «Меня больше свои продавали. Русские <...>. Тут такое дело: предать может только свой. А чужой — он и есть чужой, с него какой спрос...» Жизнь Василия пуста и бесцельна после убийства жены, сына и шурина, после гибели друга Константина Гречанинова, выданного «однокашниками» «следакам ФСБ». Герой подсознательно понимает, что надо жить дальше: поправляет крыльцо, делает новый скворечник и, не расценивая всерьёз идею соседки о дружбе с разведённой Катей, всё же не отвергает её. Неслучайны и детали в повести, воспринимаемые Василием как случайные: «сиротливая иконка Николы», воспоминания о молитвенности матери. Как и в «Привычном деле» В.И. Белова, смыслообразующим в

истории Василия становится мотив блудного сына: вернувшийся в родной обветшавший дом герой, потерявший близких людей, погружённый в печальные думы, находит силы смириться с происходящим, получает прощение.

В трилогии «Свет ниоткуда», отличающейся публицистичностью, оценочностью, где осмысливаются события 1991 года, очередной русской Смуты, П.Н. Краснов с горечью констатирует, что разрушение привычного уклада если уже не русской, то советской, российской жизни обусловило и социокультурное изменение гендерных ролей: «вопрос — мужики где? Как такое осмелились, гадьё, — детишкам своим?» В. Бондаренко вслед за В. Курбатовым считает, что поздние произведения автора — «горькое завершение слова о судьбе народной». В «Свете ниоткуда» возникает собирательный образ мужчины, размышляющего, сомневающегося и... безвольного, страдающего. И в этом отношении можно проследить, например, связь текста с рассказом В.Г. Распутина «Не могу-у», написанным ещё в 1982 году.

Собирательный образ женщины не имеет ничего общего с героиней «Моста»: это агрессивное, продажное, думающее «бабьим умом» существо, желающее лучше устроиться в жизни. И вот уже в конце XX века «как с конвейера идут... квартирные болонки, полземли осиротят, не

задумаются»; «Не город, а собачарня стала, поразвели. И мужей к ним пристегнули — на поводках. Им страну гробят, а они собачек выгуливают».

Краснов, пытаясь разобраться с вечным вопросом «кто виноват?», приходит к выводу, что русский народ сам себя предал, и корни этого предательства — в далёком прошлом. Страшным явлением русской действительности, по мнению автора, стала укоренившаяся привычка людей жить сиюминутными, ничтожными проблемами. Люди перестали размышлять над вопросами, выходящими за рамки их интересов. В том, что страна лежит «в бабьей невменяемости», виноваты, в первую очередь, «мужики».

Неслучайно завершающим в трилогии является одноимённый рассказ «Свет ниоткуда» — в нём появляется мотив блудного сына и сопутствующие мотивы примирения и смирения. Суждения главного героя о жизни уже не так резки, как в первых двух рассказах. Он одержим одной мыслью: «Домой надо». В холодный зимний день едет он на попутном тракторе в родную Богоявленку. Всё символично в этом рассказе: и название деревни — Богоявленка, и сон героя, в котором «город сдох», и промерзание до костей в холодном тракторе, и пробежки, помогающие согреться и дающие возможность подумать о жизни наедине с самим собой. Во время одной из таких пробежек герой,

окончательно замёрзший, слабеет, падает, и если бы не чудо — таинственный свет, озаривший его душу сознанием, что всё, происходящее с Россией, «полно высшей воли, от нелепого мига происходящего не зависимое, всё в мире провидящее и... к людям этим не презрительное, чего они заслужили стократ, не снисходительное даже — сочувственное, сострадательное почти...», он никогда уже больше не увидел бы своей Богоявленки. В том, что трактор встретил на пути преграду, снежные увалы, благодаря чему его смог догнать увидевший свет герой, виден Промысел Божий.

Итогом этого зимнего марафона, полного размышлений, становится осознание рассказчиком смысла жизни, своей мужской роли, принятие выбора. Отказываясь от тёплого места в городе, от жизни рядом с любимой женщиной, не разделяющей его тоски по деревне, «по

единственному <его> на всём белом свете дому», он возвращается в Богоявленку навсегда. Жизнь города и деревни, противопоставленная в рассказе, приобретает черты грандиозной гендерной метафоры: в образах деревни и героя узнаются вся Россия с её огромными заброшенными землями, разорённым хозяйством и её долгожданный хозяин, мужчина.

Таким образом, размышления П. Краснова о смысле жизни русского человека, о непростом времени конца XX века ведутся в традициях деревенской прозы, перекликаются со словами В.Г. Распутина: «Никакое общество, сколь бы могучим и молодым оно ни представлялось себе, не сможет долго продержаться в силе и здравии, если оно откажется от вековых традиций и уставов своего народа. Это всё равно что, подрубив корни, уповать на ветви».